

Элиза Малек

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ИСТОЧНИКАХ "ПОВЕСТИ
БЫВШЕГО ПОСОЛЬСТВА В ПОРТУГАЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ"

"Повесть бывшего посольства в Португальской земле, история с португальском и брандербургском мудрецах", введенная в научный обиход еще на рубеже XIX и XX ст., принадлежит к числу тех памятников древнерусской литературы, которые совоем выпали из поля зрения современных исследователей. Она упоминается лишь в библиографии древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской¹ и в статье О. А. Державиной "Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в."² среди памятников, нуждающихся в дальнейшем всестороннем изучении.

В самом деле, до сих пор остались не решенными как вопросы происхождения и источников, так и художественной природы "Повести". П. Н. Шеффер, открывший в собрании Ядмирского список этого произведения, высказал предположение о том, что оно, по-видимому, представляет собой русскую переработку чужого оригинала и отметил его связь со "Словом о вере христианской и иудовской", а также с вопросо-ответной литературой допетровского времени³. В. В. Сиповский, включая "Повесть бывшего посольства" в свою антологию русской повести XVII-XVIII вв., заметил, что это "русифицированный перевод, возможно, польского оригинала", примыкающий по своему характеру "к средневековым сочинениям загадками и остротами"⁴. Видный русский фольклорист В. Андерсон, напротив, утверждал, что "«Повесть бывшего посольства» — это русский оригинальный памятник,

¹ Древнерусская повесть, составили В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Покровская, вып. 1, Москва-Ленинград 1940, с. 199.

² Труды отдела древнерусской литературы, т. 20, Москва-Ленинград 1964, с. 243.

³ П. Н. Шеффер, (резюме доклада). — В кн.: Памятники древней письменности и искусства, т. СХII, С. — Петербург 1901, с. 17.

⁴ В. В. Сиповский, Русские повести XVII-XVIII вв., С. — Петербург 1905, с. LXII, текст на с. 268-284.

возникший в XVII или в начале XVIII столетия и состоящий из ряда весьма распространенных анекдотов и загадок, довольно слабо между собой связанных рамок явно сказочного характера"⁵. Адрианова-Перетц и Дершанник полностью разделяют точку зрения Шэффера и Славовского, но никаких новых доводов в пользу иностранного происхождения "Повести" не приводят.

Чтобы дать более убедительный ответ на этот и другие вопросы, необходимо было бы привлечь в исследование новые списки произведения и установить, по мере возможности, какой из них ближе к архетипу "Повести" (дореволюционные исследователи, как правило, публиковали случайные списки, что нередко приводило к крупным недоразумениям). Хотя мы и не имели специальных архивных размоканий, нам удалось обнаружить два новых списка "Повести бывшего посольства": один в Библиотеке Академии Наук СССР в Ленинграде (БАН, шифр 21.8.34)⁶, второй в Государственном историческом музее в Москве (ГИМ, шифр - Муз. 1388)⁷. Сопоставление с ранее опубликованным списком А. И. Яцимирского (в настоящее время он хранится в БАН СССР в Ленинграде под шифром 13.6.8) показало, что все они восходят к одному и тому же архетипу, но списки БАН 21.8.34 и ГИМ, Муз. 1388 во многих местах более исправны, чем ранее известный. Для исследования происхождения и источников "Повести" важно то, что списки, какими мы в настоящее время располагаем, по всем признакам восходят к неохранившемуся авторскому тексту и воспроизводят первоначальный облик изучаемого произведения.

Прежде чем перейти к анализу "Повести" и ее источников, напомним вкратце ее содержание. "Повесть" открывается сообщением о том, что в португальской земле был король, который имел "вельми прекрасную и прелецу лицом, премудру умом" дочь, за которую сватались многие цари и короли, но он обещал отдать свою дочь тому, кто

⁵ В. А н д е р о о н, Император и аббат. История сегого народного анекдота, т. 1, Казань 1916, с. 392.

⁶ Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, т. 4, вып. 1, Ленинград 1951 содержит полное описание сборника 21.8.34 (с. 254), а также сборника 13.6.8 из коллекции Яцимирского (с. 277, 278). Оба списка датируются половиной XVIII в.

⁷ ГИМ, Муз. собр. № 1388. Сборник начала XVIII в. в лист. "Повесть бывшего посольства" на лл. 703-716 об. Полное описание сборника см. в книге А. М. П а н ч е н к о, Чешско-русские литературные связи XVII века, Ленинград 1969, с. 115-116.

прилет "премудра человека, да немому добр ответ даст, по том и иная отвещает"⁸. Услышав о красоте португальской королевы, король брандебургской земли сватает за нее своего сына, но португальский король дает послам такой же ответ, как и послам из других стран. Тогда король посылает в Португалию купцов, приказывая им увидеть красоту королевши собственными глазами, и когда им это не удается, приказывает "по всей своей королевской державе клич кликати, яко да найдетоя таковыи муж, кто бы немому ответ дал".

Через некоторое время на брандебургском дворе появляется "последний королевские державы человек" и заявляет, что он в состоянии "немому ответ дати". Король отправляет его "во славе и чести велицей в португальскую землю".

После приезда посол останавливается в особых посольских комнатах, а через некоторое время начинается состязание мудрецов. Португальский мудрец в присутствии короля задает послу по три вопроса в день, причем в течение первых трех дней брандебургский мудрец ведет со своим противником диспут жестами, а в течение последующих четырех дней отвечает на его словесные загадки. Есть среди них загадки космологического характера ("Высоко ли от нас и далеко ли небо?", "Колико есть расстояния от востока до запада?", "Колико есть глубина морская величеством?") и схоластически-догматические (напр., "Кто не родился умре?", "Кто прежде Адама со брадом сотворен бе?", "Что от чего - курица ли от яйца, или яйцо от курицы?"). Уверившись, что брандебургский посол дал правильные ответы на все вопросы португальского мудреца, король говорит: "Мне же точию мнится, яко всяко ныне настонт ми время еже прежде глаголанное свое исполнити слово, еже дщерь свою тому обещал дати в жену, кто бы могя немому ответ дати, и се ныне то збыстся, всяко хочу дати дщерь свою за сына брандебургского короля (л. 48)".

Однако португальский мудрец просит короля помедлить немного с решением и дать ему еще одну возможность посрамить противника. Король соглашается, и начинается вторая часть состязания. На этот раз состязание происходит не в королевских палатах, но на обеде у португальского мудреца, и является своего рода испытанием едой

⁸ Здесь и дальше все цитаты из "Повести бывшего посольства" приводятся по списку БАН 21.8.34 с указанием соответствующего листа в тексте статьи.

и питием⁹. Брандебургский посол доказывает, что он умеет вести себя за столом, умело отвечает на все вопросы, связанные с едой и питием, так что хозяин вынужден признать, что он не только не видел, но и не слышал о человеке подобном мудрости послу. В состязание на тему диковинных блюд включается также слуга брандебургского посла, который посягает на португальского мудреца, рассказывая небылицы о необычных яствах, якобы водившихся в их стране: о сыре, в восьмой доле которого, предназначенной для 50 человек, обнаружены "два жеребенка да двугодовалого теленка", о трехлетнем быке, на одной лопатке которого "седитым было сорок пять дворов шильцов", о дине, на которой повесили колокол в пятьдесят пудов весом. Брандебургский посол успешно решает задачу на выборание ("познати единовозрастных и единойодежных отрочат, дабы разумети мужския пол и женский"), не удивляется ни одной из португальских диковинок (напр., необычной величины палате, свежему огурцу зимой), и когда португальский мудрец задает ему вопросы: "Отчего в мире брани и свары, и гнев бывает?" и "Виновен ли бес всякому согрешению нашему или ни?", отвечает на них умело подобранными назидательными "прикладами". Не падает лицом в грязь, когда ему задают ученую загадку о письме и бумаге и когда отклоняет скабрёзное предложение португальского мудреца. Более того, он сам решает удивить противника своим издеицем и приглашает его на "пирог без муки и воды, ни печен, ни варен".

Король выведывается у своего мудреца, как прошло испытание, и, убедившись, что и на этот раз посол оказался "во всем мудр", решает отдать, согласно уговору, свою дочь сыну брандебургского короля. Но португальский мудрец уговаривает монарха подвергнуть посла еще одному, последнему испытанию. Король соглашается, и так начинается третий тур испытаний. На этот раз брандебургский мудрец вынужден дать королю письменное толкование немых вопросов и ответов из первого тура состязаний, а также рецепт, как делать пирог без муки и воды, ни варен, ни жарен. Его ответы нравятся королю, который "сего ради пирога и мудрых ради ответов брандебургского мудреца велики почтил честию великою и премногим богатством, и отпусти его ко своему государю, и повеле ему сказати, да уготовит

⁹ Ср.: В. Я. Пропп, Фольклор и действительность. Избранные статьи, Москва 1976, с. 57.

смыла своего ко браку. И вда дщерь свою, и бысть между ими велика любовь во много лет (л. 61)".

Как видно из беглого пересказа, "Повесть бывшего посольства" построена с учетом как поэтики письменной, так и устной литературы. В рамках явно сказочного характера анонимный автор "Повести" включил целую серию загадок, почерпнутых главным образом из письменной литературы XVII от. Итак, в основу первой части произведения положен русский вариант "Слова о вере христианской и жидовской" под заглавием "Сказание о князех христианском и жидовском, како от них было прение о своих верах и како оные философы между собою говорили", представляющий собой пародийный диспут жестами и на словах, о том однако, что под пером анонимного автора "Повести" прение христианского и жидовского философов терлет свой первоначальный смысл религиозного диспута и подчиняется задаче добывания невесты. Интересно отметить, что в связи с изменением функции состязания в "Повесть" не вошла та часть "Сказания", в которой высмеивается жидовская вера и жидовский философ как носитель иудейской религии и утверждается превосходство христианского вероисповедания над еврейским.

Сопоставление текстов "Повести" и "Сказания" показывает, что автор "Повести" не только сохраняет смысл и последовательность загадок, но также их словесное оформление, заменяя только жидовского философа португальским мудрецом, христианского философа брандебургским мудрецом, жидовского князя брандебургским королем и располагая диспут во времени, а также отодвигая на конец каждого для объяснения загадочных мест.

Сравним фрагменты текста "Сказания"¹⁰ и "Повести".

"Сказание"

И как сошлись скоморох з жидовином, и той жидовин показа скомороху перст еци к верху, а заганух ему, кто сотвори небо. Скоморох же чает, что хоцет его ограбить и на кол посадить, и показа ему также еци перст к высоте и обрати его к земли, а заганух ему: "То аз не точно по твоему со-

"Повесть"

В первый день во единой от королевских полат единому прямо другаго по обычаю мало подаде ставшу, португалской еци от перст своел десницы постади прямо себе к высоте, брандебургской той же перст такожде к высоте и обрати его к земле. Португалской единым перстом// показа прямо ему,

¹⁰ Цитирую по списку БАН 45.5.30 первой половины XVIII в.

творю, но и к самой земли приклоню и с нею смею, и ударю о землю". Жидовни же философ одним перстом показа прямо ему, а заганул ему то: "Кто, де, сотвори Адама?" Скоморох же чае, что хоцет ему глаз выколоти, и показал ему два перста, а заганул: "Я, де, тебе и оба глаза выколю". Жидовни же философ обими руками браду свою поглаждал, а заганул ему: "Кто, де, дад сан человеку?" Скоморох чае, что хоцет у него браду драти, и обими руками власи на главе своей многожды потре и поглади, а заганул ему то: "Аз не точию едину браду твою, но и главныя власи все выдеру" (л. 142-142 об.).

брандебурской два перста показа прямо ему. Португальской обими руками браду свою поглаждал, брандебурской такожде обими руками власи на главе своей многожды потре. Посем един другому поклонися, такожде и оба королю, хотяще разитися до утрия.

Послав же король брандебурского и своего вопросити о показании перстов и поглаждения брады. Се рек мудрец: "Показанием перста в высоту вопросих его, кто сотвори небо и свет. Он убо в высоту показа и к земли обрати, премудро отвеща ми, яко той же и землю сотвори. А еже аз перстом показа прямо ему, вопросих его, кто сотвори Адама. Он же два перста показа ми, отвеща, яко той же и Еву сотвори. А еже обими руками// браду поглаждал, вопросих его, кто даде сан человеку. Он же трением власов главы своей отвеща ми, той же даде и главныя власи". Слышав же ся король, похваля его о мудрости и отпусти его (л. 39-40 об.).

Выбор "Сказания о князех христианском и жидовском" в качестве сюжетной первоосновы "Повести" предопределяет ход состязаний. В сказках о добывании невесты, на которые ориентировался анонимный автор, испытаниям подвергается будущий жених, так как именно ему, надлежит доказать, что он достоин получить руку царицы и царскую власть, здесь же, как и в письменном источнике, испытывается посол. Последствия этого выбора сказались и на второй части состязаний, которая происходит в доме португальского мудреца. Автор "Повести" использует до предела возможности, какие дает эта форма, и подбирает из известного ему репертуара целый ряд новых загадок и задач для брандебурского посла. Есть среди них испытание едой и питьем, есть состязание небылцами явно смехового характера, но вписанными в контекст серьезного диспута. Небылицы такого рода были известны как в фольклоре, так и в письменной литературе¹¹. Версия, представленная текстом "Повести бывшего по-

¹¹ Самые ранние сведения о небылцах находим в записках итальянского историка Павла Иовия Новокомского (1483-1552). См. также: Русские сказки в ранних записках и публикациях (XVI-XVIII века), вступ. ст., подг. текста и коммент. Н. В. Новикова, Ленинград 1971, с. 7-10.

сольства", отличается однако от известных фольклорных реализаций составлений во яки. Итак, если в устных вариантах (ср., напр., тип 1920А "Дгала и Поддигала" или 1960, 1960Б¹²) один из опорядок утверждает, что он видел громадный сыр, капусту, дом и т. п., а другой подтверждает их существование своим личным опытом, то здесь португальский мудрец показывает брандбургскому послу реально существующие диковинки, надеясь удивить ими своего противника, тот, однако, не находит в них ничего удивительного и просит своего слугу рассказать жезыку о несомненно больших предметах, по- дивнившихся якобы в их стране.

Интересно и то, что автор "Повести" иногда старается снять смехотворный характер "лижних историй" путем их аллегорического толкования. Так, напр., после рассказа слуги брандбургского мудреца о быке необычной величины, убитом орлом и растерзанном лисцей, читаем: "Слышав же ои, португальской мудрец рече: «Волк человек от своих оловес осудится и оправдится, а ты неправедными своими словеси и ложными оам оя осуди». Рече ему слуга: «Честнейший господине, весть твоа честность, яко писание орлом называет самого Бога. Веси же, кто может ему противитися, той бо порази быка того страхом своим. Человека лукава и лотива называют лисцею, от лукава бо и лотива человека то// селение разорися» (л. 50 об. 51).

Кроме неблид, из рукописей допетровского времени заимствованы загадки. Так, напр., загадка на выбирание почерпнута из апокрифических "Судов Соломона" (точно такую же загадку как португальский мудрец задает царю Соломону царица Юзокал¹³), загадка о рынке с вином ("Стоит море на пяти столбах") из какого-то сборника загадок, оходного со сборником Государственной Публичной библиотеки (ГПБ), Тит. 1766, загадка о рукописных книгах: "Что есть: ни небо, ни земля, о видом же светла, на том садятся птицы черные, главы у них червлены. Тых птиц три назидают, два назирают, едни повелевает. От тых птиц многи спасени и от королей в чести бываут, нецыи же погибаут". (л. 55 об.) из сборника, оходного со сборниками ГПБ, О.ХVII.260 конца ХVII в. и ГПБ, Тих. № 217 сере-

¹² См.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка, Ленинград 1979, с. 376.

¹³ Ср.: Памятники литературы древней Руси. XIV - середина XV века, Москва 1981, с. 74.

даты XVIII в. Интересно, что две последние загадки в редакции автора "Повести бывшего посольства" имеют, в отличие от других известных записей, две версии отгадки: иносказательную и прямую. Необычно также толкование той части загадки о книгах, в которой говорится об украшении рукописей киноварными илициалами. В нем подчеркивается любовь русских книжников к художественному оформлению рукописи. Сравни: "Червленые же главы не везде обретаются, но точию в России, тамо бо их велии любят" (в иносказательной версии отгадки) и "Главы червленые — прописи, в книгах слова красные. Сие бо кроме Руси мало обретается" (л. 56) — в прямой версии отгадки.

Из других заимствований следует назвать поучительный рассказ "Яко не присно нам бес виновен бывает, и како у некоего пустыника бес релы стрежаше". Автор перенес этот "приклад" в "Повесть" из второго перевода "Большого Зеркала", не изменив в нем практически ни одного слова¹⁴.

К какому-то рукописному источнику, а не к устному анекдоту, как полагал Андерсон, восходит также забавная повестушка, рассказанная брандбургским мудрецом в ответ на вопрос "От чего в мире брани и свары, и гнев бывает?". Стихотворную обработку этого сюжета (к сожалению, без конца) мы нашли в сборнике март и басен из коллекции БАН СССР в Ленинграде (шифр: Тимоф. 2). Вот текст сохранившейся части марты.

"О нищих"

Двум нищим милостыню подали,
а что хлеб сырой неясно сказали.
Простой речью хозяйка объявила:
"Вот вам хлеб, да сыр", — говорила.
Слепой подумал, что и сыру подали.
"Слава, де, Богу, давно его не едали".
Зрячей, принявши, слепому дает,¹⁵
слепой зрячева за кафтан берет¹⁵.

Выше мы остановились на литературных и фольклорных источниках "Повести бывшего посольства", но стоит также обратить внимание и на другие факты древнерусской культуры, которые — как нам кажется

¹⁴ Ср.: О. А. Державина, *Большое Зеркало и его судьба на русской почве*, Москва 1965, с. 408.

¹⁵ БАН, Тимоф. № 2, л. 22.

— могли оказать некоторое влияние на выбор автором повести формы прения, диспута. А. М. Панченко в своей книге о русской культуре в канун петровских реформ отмечает, что в XVII в. ученые прения по богословским и общенаучным вопросам вошли в обычай. Они нередко велись публично (напр., состязание Андрей Белобочко с братьями Лихудами происходило в присутствии И. А. Мусина-Пушкина и братьев царицы Марфы Матвеевны) и заносились на бумагу¹⁶. В истории России известен также диспут, предвзвешивающий замужество царевны. "При царе Михаиле, когда, — как пишет Панченко, — царевну Ирику хотели выдать за датского королевича Вальдемара, справщик и поэт Иван Наседка вел диспуты с пастором Фельгабером"¹⁷. Пастор Фельгабер в данном случае был репрезентантом датского королевича, а Иван Наседка выступал от имени отца царевны — Михаила.

Сравнение "Повести бывшего посольства", автор которой использовал текст прения о вере как один из аргументов в деле добывания невесты, с прениями о вере же, вызванными делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, напрашивается само собой, хотя у нас нет никаких данных, позволяющих утверждать, что анонимному автору были известны тайны царского двора. Но даже не решая положительно данного вопроса, мы вправе считать "Повесть бывшего посольства" произведением, на возникновение которого большое влияние оказала "бостязательная культура" (термин Панченко) второй половины XVII в.

Как видно, автор "Повести бывшего посольства" использовал в своем сочинении самые разнообразные, но главным образом письменные, источники. Есть среди них и иностранные по происхождению тексты, но все они заимствованы из уже существующих переводов и переделок. Таким образом, мы с полной ответственностью можем утверждать, что "Повесть бывшего посольства" принадлежит к памятникам русской оригинальной прозы. Наличие в составе "Повести" новеллы из "Великого Зеркала" второго перевода имеет датировочное значение и под-

¹⁶ Ср.: А. М. П а н ч е н к о, Русская культура в канун петровских реформ. Ленинград 1984, с. 162.

¹⁷ Там же. См. также: А. Г о л у б ц о в, Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, Москва 1891; Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны (публикация А. Голубцова), "Чтения в Обществе истории и древностей российских" 1892, кн. II, отд. II, с. XX, 232-240.

крепляет предположения исследователей, относивших возникновение этого памятника к концу XVII – началу XVIII в.

Анонимная "Повесть бывшего посольства", сотканная из готовых книжных элементов, вплетенных в сказочную рамку, является еще одним ярким примером сочетания книжником переходного периода фольклорного и книжного начал. Ее автор – это человек начитанный, знавший хорошо рукописную литературу допетровского времени и в то же время отлично понимающий законы сказочного сюжетосложения¹⁸. Его повесть-сказка, наряду с другими произведениями такого рода¹⁹, показывает, насколько сильным оказывается воздействие жанра сказки на русскую повествовательную прозу переходного периода.

Институт русской филологии
Лодзинского Университета

Eliza Małek

O POCHODZENIU I ŹRÓDŁACH "OPowieŚCI
O POSELSTWIE DO ZIEMI PORTUGALSKIEJ"

W artykule podjęto próbę rozwiązania zagadki pochodzenia anonimowej "Opowieści o poselstwie do ziemi portugalskiej". Autor dowodzi, że zabytek ten powstał na przełomie XVII i XVIII w. w Rosji, a jego twórcą, obecną zarówno z literaturą ustną, jak i pisaną, z upodobaniem stosującą zasadę swobodnego kompilowania cudzych utworów, nasycił "Opowieść" całym szeregiem tekstów zaczerpniętych z repertuaru Rusi przedpiotrowej.

¹⁸ Он, напр., отлично понял, что в сказке мотив трудных задач тесно связан со сватовством, и умело использовал сказочный тип завязки и развязки сюжета.

¹⁹ К числу таких памятников можно отнести: "Повесть об Аквитане", "Слово о судьбах боцких, яко небо и земля мимо идет, а словеса моя не имут прехити"; "Повесть чудную, како жена избавила мужа от смерти" и т. п.